

Мурат КУРИЕВ

ВАТЕРЛЮО

Битва ошибок

Мурат Куриев

Ватерлоо. Битва ошибок

«У Никитских ворот»

2019

УДК 792.2(470+571)(092)
ББК 85.33(2)

Куриев М. М.

Ватерлоо. Битва ошибок / М. М. Куриев — «У Никитских
ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-772-1

Ватерлоо... Последняя битва Наполеона, самое знаменитое в мировой истории сражение. Двести лет прошло, а историки до сих пор спорят обо всем, кроме результата. Оправдывают одних, безжалостно критикуют других. Иначе, наверное, и быть не может, ведь Ватерлоо – это «битва ошибок». Вся кампания 1815 года уместилась в четыре дня, а промахов и ошибок на счету всех ее главных участников хватило бы на несколько войн. Почему так произошло? Не будем строго судить «людей Ватерлоо», просто попытаемся их понять...

УДК 792.2(470+571)(092)

ББК 85.33(2)

ISBN 978-5-00095-772-1

© Куриев М. М., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Пролог	6
Введение	8
I. Возвращение	10
Предисловие	10
Глава первая	11
Глава вторая	15
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мурат Куриев

Ватерлоо. Битва ошибок

© Куриев М. М., 2019

© Жакевич В.Е., оформление, 2019

© ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Война, конечно, дело мужское, но эту книгу я посвящаю самым дорогим для меня женщинам – моей матери, моей сестре Гале, моей дочери Митте, моим внучкам Зое и Нине и моей жене Маше

Я глубоко признателен всем, кто помог мне издать эту книгу. Особая благодарность – Виталию Боброву, Михаилу Годину, Сергею Ерженкову, Евгению Матонину, Денису Онацику и Федору Палехову. И, конечно, замечательному художнику Вадиму Жакевичу.

Сражение... Понимаете ли вы, господа, истинный смысл этого слова? Между битвами проигранными и выигранными – королевства и империи! Весь мир! Или ничего...

Наполеон

Оставьте Ватерлоо в покое. Таким, каким оно было.

Веллингтон

Пролог

Жан-Мартен Пети в армию ушел добровольцем, в двадцать лет. С Наполеоном – с итальянского похода, последний раз ранен под Ваграмом. Дослужился до бригадного генерала, стал командиром 1-го полка пеших гренадеров Императорской гвардии. Здесь, на площади двора Белой Лошади во дворце Фонтенбло, стояли его солдаты.

«Лучшие из лучших», гвардейцы императора. Только он один мог отдать команду «Гвардию – в огонь!». И тогда «старые ворчуны» сметали всё на своем пути. . . Но сегодня, 20 апреля 1814 года, всё по-другому. Наполеон – уже не император, он не поведет их в бой, он скажет. . . Что он скажет? Они ждут, они знают, что видят его в последний раз. Генерал Пети стоит перед строем, как положено командиру. И волнуется, как никогда в своей жизни.

Одиннадцать часов. Вот он! Появился на крыльце! В знаменитой шляпе, которую носил только он, в зеленом мундире гвардейских егерей. Никакой свиты из маршалов рядом с ним, лишь два генерала, которые отправятся с Наполеоном на Эльбу. Бертран, его бывший адъютант, и Друо – гений артиллерии. Зато здесь назначенные союзниками комиссары, по одному от каждого из «победителей». Впрочем, у них хватило такта для того, чтобы быстро пройти к стоявшим поодаль повозкам.

Гвардия встретила его так, как надо. Пети командует войскам «на караул», барабанщики выбивают дробь «в поход», трубачи играют «приветствие императору». И сразу – тишина. Гнетущая, в которой слышно лишь похрапывание лошадей в упряжках.

Пети идет навстречу Наполеону, они встречаются посреди двора. Император – а для них он навсегда император – будет говорить. Он произносит речь, совсем короткую. И никто не может поручиться за точность слов. Всё, что мы знаем, наспех записал Пети вскоре после отъезда Наполеона.

«Офицеры, унтер-офицеры и солдаты моей Старой гвардии, я прощаюсь с вами! Двадцать лет вы шли вместе со мной по дороге славы. . . Союзные державы вооружили всю Европу против меня. Часть армии предала свой долг и саму Францию. . . Но ей уготована теперь другая судьба. Мне пришлось пожертвовать своими самыми дорогими интересами. С вами и с теми храбрецами, что остались верны мне, я мог бы воевать еще три года. Но это принесло бы несчастье Франции, что противоречит целям, которые я поставил перед собой. Будьте верны новому государю, которого Франция себе избрала. Не покидайте дорогую Родину, она так долго страдала!

Не надо сожалеть о моей судьбе. Я всегда буду чувствовать себя счастливым, зная, что счастливы вы. Я мог бы умереть – это очень легко. Но я останусь жить! Для того, чтобы написать о том, что мы сделали вместе».

Наполеон замолчал, и не выдержавший напряжения генерал Пети взмахнул шпагой и крикнул: «Да здравствует император!» В ответ раздался восторженный рев.

Наполеон поднял руку. Голос его звучал уже не так громко, как раньше. «Я хотел бы всех вас прижать к своей груди, но не могу этого сделать. Я обниму вашего генерала». Наполеон крепко обнял Пети и махнул рукой. «Дайте мне „орла“».

Императору принесли знамя. «Я поцелую это знамя, которое нас всех объединяло, а значит – каждого из вас, храбрецы». Наполеон троекратно поцеловал знамя и совсем тихо сказал: «Прощайте, дети мои!»

Опустив голову, он быстрым шагом направился к повозкам. Старая гвардия сломала строй. «Лучшие из лучших» не скрывали слез, бросали в воздух медвежьи шапки и кричали: «Да здравствует император!»

О чем он думал по пути из Фонтенбло до Фрежюса? Что чувствовал? Рядом с ним были люди, они даже оставили воспоминания, но сколько в них правды?

Вот в трактире, в маленькой деревушке Ля-Калад он сел обедать. Ни хозяин, ни хозяйка якобы не узнали Наполеона. Трактирщица всё время говорила гостю, что очень надеется на народ, который покончит с бывшим императором прежде, чем он доберется до моря. А гость поспешно с ней соглашался.

Хотите – верьте, хотите – нет. Менялось ли у Наполеона настроение? Конечно! Опасался ли он за свою судьбу? Наверняка. Он вообще окончательно успокоился только на Эльбе, в тот день, когда на остров прибыли наконец те гвардейцы, которых ему разрешили взять с собой.

Чуть меньше тысячи человек. Их назвали «батальоном Эльбы». Новое знамя, новые знаки отличия. Но в шапках у гвардейцев припрятаны старые императорские кокарды. Так, на всякий случай...

Введение

«Я всегда отвечал отказом на предложение написать историю битвы при Ватерлоо. Но если кто-то напишет правдивую историю сражения, что станет с репутацией половины из тех, кто в нем участвовал? Кто заслужил ее своей храбростью, но совершал промахи и ошибки? Если всё это станет достоянием гласности, будут ли их тогда считать героями?»

Он все-таки выдал эту тайну. У Веллингтона было много недостатков, но человек он честный и прямой. Именно по этой причине его политическая карьера не задалась. Ну какой политик из человека, который говорит то, что думает?

Железный герцог первым признал, что Ватерлоо – *битва ошибок*. Он сам их наделал немало. Казалось бы, победителей не судят, но Веллингтон и не хотел, чтобы судили проигравших. Потому что он там был, потому что знал, что Ватерлоо – не просто сражение, а настоящая человеческая драма. Битва, где все «на тоненького», где все совершают промахи и вопрос лишь в том, кто сделает это последним.

Он победил Наполеона единственный раз в жизни, но никогда не гордился этой победой. Веллингтон много и охотно рассказывал о войне на Пиренеях и отмалчивался, когда речь заходила о Ватерлоо.

Наполеон, напротив, пространно рассуждал о своей последней битве. И об ошибках – тоже, но – не своих. Что тоже вполне в его стиле. А окончательный вердикт просто крик души. «Как, как такое могло случиться? Всё, что должно было удался, провалилось!»

Простоватый Блюхер, который, по сути, и решил исход сражения, ни в какие тонкости не вдавался. «Мы здорово ему наподдали!» – примерно так он говорил о Ватерлоо.

Итак, Веллингтон – молчал, Наполеон – недоговаривал, Блюхер – сказал то, что сказал. Ломайте копыя! И ведь сломали – на три Столетних войны хватит!

Историки такой народ. У них на двоих – три разных мнения. До сих пор спорят, что было бы, если бы французские кирасиры смяли британские каре до прихода пруссаков. Да ничего особенного.

Ну продлились бы «Сто дней» еще на сто, а дальше?

Никто бы не всколыхнулся, Европа устала от войн, да и от Наполеона – тоже. Вот что главное. Император мог поднять на борьбу Францию, не более того.

А что могла Франция? Да, многие вспоминают замечательный аргумент, про «сапоги 1793 года». Только воюют ведь люди, а не сапоги.

В 1815-м, уже для похода в Бельгию, император собрал всё лучшее из того, что имел. А через пару-тройку месяцев его противники выставили бы против него армии, превосходившие силы Наполеона многократно. Причем в решимости покончить с императором, теперь уже навсегда, у них недостатка тоже не было. Эти люди занимались послевоенным устройством мира, мира без Наполеона. Возвращение императора в их планы не входило. Совсем.

Но почему же тогда битва, которая в стратегическом плане мало что решала, стала самой знаменитой в мировой истории? Почему люди так яростно спорят о Ватерлоо?

Потому что Ватерлоо – это *символ*. Символ конца великой эпохи, которая началась в тот роковой для Людовика XIV день, когда он распорядился созвать Генеральные штаты, а закончилась поздним вечером 18 июня 1815 года, когда Наполеон покидал плато Мон-Сен-Жан под охраной Старой гвардии.

Примерно четверть века... Период, равного которому в истории человечества не было и не будет. Время страха и надежд, триумфа и трагедий, сокрушительных провалов и грандиозных свершений. Время, когда гении и злодейство вполне совместимы, время, которое настолько богато героями, что ты сам выбираешь, кого можно считать таковым.

И вот – Ватерлоо. Жирная точка. Всё...

Понимали ли это те, кто дождливым утром 18 июня ждал первого залпа? Нет, конечно. Но на кону стояло многое. Для Наполеона, Веллингтона, Блюхера – их репутация полководцев.

На острове Святой Елены Наполеон не раз говорил о том, что, дескать, поражение при Ватерлоо затмило все его победы. И это – неправда. Он был и остается величайшим военачальником всех времен и народов. Но он действительно проиграл свою последнюю битву. Что само по себе делает Ватерлоо событием исключительным.

Веллингтон... Единственный генерал, который не проиграл французам ни одного сражения! Но до Ватерлоо ни разу не сталкивавшийся с самим Наполеоном. Если бы проиграл он, о его прежних победах точно забыли бы.

А вот Блюхера Наполеон бил нещадно, и много раз! Однако именно Блюхер решил исход сражения, и кто помнит о его прежних поражениях?

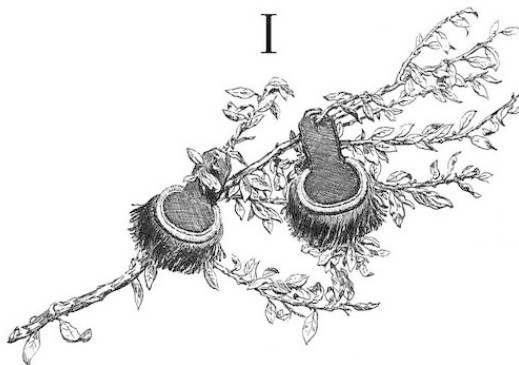
Люди Ватерлоо поставили на карту ВСЁ. И именно по этой причине они совершали немыслимое количество ошибок, принимали необъяснимые решения. Они сделали всё для того, чтобы историки спорили, а легенды – множились. Спустя годы ни один из них не дал сколь-нибудь внятного объяснения тому, что происходило 18 июня 1815 года. Они просто не могли этого сделать. Слишком личное.

И последнее, но от того не менее важное. Для тех, кто любит и ценит в войне романтику, Ватерлоо тоже последняя битва. Очень многие считают – и я с ними согласен – после Ватерлоо слава начала умирать. Геройство ради геройства, благородное отношение к противнику – всё это будет постепенно исчезать. И окончательно умрет вместе с «тотальными войнами» XX века.

Битва ошибок... Самое знаменитое и самое красивое сражение в мировой истории. Те, кто считает, что понятие «красота» неприменимо по отношению к такому грязному и кровавому занятию, как война, могут эту книгу не читать. Те, кто думает, что они наконец-то познакомятся с «объективной историей», – тоже. Про Ватерлоо – беспристрастно, с холодной головой? Да перестаньте!

Веллингтон, ознакомившись как-то с очередным описанием Ватерлоо, усмехнувшись, заметил: «Иногда я начинаю сомневаться – а был ли я там на самом деле?» И эта книга написана всего лишь со слабой надеждой на то, что если бы Железный герцог ее прочел, он бы такого не сказал.

I. Возвращение

Предисловие

Говорят, что, когда 11 апреля 1814 года в Фонтенбло союзники заключили договор, согласно которому Бурбоны возвращались во Францию, а Наполеон отправлялся в почетную ссылку на остров Эльба, австрийский канцлер Меттерних сказал: «Я ставлю подпись под документом, который приведет нас к войне менее чем через два года».

Прозорливый Меттерних немного ошибся. Ровно через год Наполеон вернется на престол, на те легендарные «Сто дней», которые придадут столь трагический оттенок его судьбе.

Только на самом деле ни канцлер Австрийской империи, ни кто-либо еще всерьез не верил в то, что Наполеон сумеет бежать. Да, Эльба недалеко, но бежать... Как? И английские фрегаты там, рядом, всё время несут дежурство.

Поначалу о возвращении не помышлял и Наполеон. Почему он вдруг решил на столь рискованное предприятие? На что он надеялся?

Глава первая Император Эльбы

«Что ж, – заявил Наполеон спустя неделю после приезда на Эльбу, – это и впрямь очень маленький остров».

Для осознания столь простой истины на самом деле хватило бы и трех дней, но Наполеон был человеком обстоятельным. Еще в Фонтенбло он изучал карты, читал воспоминания путешественников. Теперь приехал и убедился – да, Эльба маленькая. Зато он – ее полновластный хозяин.

Жители Эльбы!

Превратности судьбы привели к вам императора Наполеона, и он выбрал ваш остров, чтобы стать вашим сувереном. Прежде чем прибыть сюда, ваш новый монарх обратился ко мне со следующими словами, которые я передаю вам как доказательство вашего будущего счастья.

«Генерал, я пожертвовал своими правами в интересах нации и сохранил для себя верховную власть и владение островом Эльба. С этим согласились все державы. Сообщите об этом жителям острова, а также то, что я сделал выбор в пользу их острова, учитывая их обычаи и климат. Передайте им, что я испытываю к ним огромный интерес».

Народ Эльбы, эти слова не требуют разъяснения, они определяют вашу судьбу...

Воззвание, подписанное командующим войсками острова генералом Далесмом, было расклеено во всех общественных местах 4 мая 1814 года. В этот день на всех фортах подняли новый флаг. Белое поле пересекала по диагонали малиновая полоса и украшали три золотых пчелы. Император, офицеры и солдаты, официальные лица надели новые кокарды – с цветами нового флага острова Эльба. Про припрятанные старые никто не вспоминает...

Насчет того, что выбор в пользу Эльбы сделал он сам, Наполеон, конечно, лукавит. Насчет согласия всех союзных держав – тоже. Эльбу «продал» русский император Александр I. Многие возмущались: как же так, ведь от континента остров отделяет лишь 15 километров, это как раз ширина пролива Пьомбино. Но русскому царю Эльба всё равно казалась хорошей идеей.

Вообще историки часто задаются вопросом – почему союзники обошлись с Наполеоном достаточно милосердно? Ведь он громил их армии, заставлял подписывать унижительные мирные договоры. Что удивительно, чем больше проходило времени, тем кровожаднее становились потомки.

На самом деле всё просто, нужно всего лишь понимать, что речь идет о людях и с другим мышлением, и с совершенно иным представлением о морали и достоинстве. Хорошо известно, что тот же Александр I крайне неприязненно относился к Наполеону. Однако и он, и другие монархи воспринимали Наполеона как *равного*. Это не милосердие, а скорее здравый смысл. Он же, кстати, подскажет в следующий раз наказать Наполеона куда более жестко.

Площадь новых владений императора – 225 квадратных километров. Остров скалистый, бесплодный, поросший кустарниками. Число подданных – около 13 тысяч человек. Четверть населения проживает в «столице», Портоферрайо. Народ в основном бедный, но есть и своя знать – представители тосканских, генуэзских и корсиканских родов. Владельцы шахт, священники, чиновники.

Всё, мягко говоря, скромно. Наполеон, впрочем, не унывает и полон энергии. Поразительно, но человек, который повелевал судьбами миллионов, кажется, даже получает удовольствие от своей новой роли.

Союзный комиссар от Британии, полковник Кэмпбелл, пишет: «Никогда я не видел человека, который, оказавшись в подобной жизненной ситуации, проявлял столько энергии и действовал бы столь настойчиво... Он не знает усталости».

Действительно, у Наполеона много дел. Или он придумывает их? Неважно. Точно известно, что в первые месяцы пребывания на Эльбе никаких мыслей о побеге у него нет. Он занят! Он обустроивает свою собственную жизнь и меняет жизнь острова.

А на Эльбу валом повалили туристы. Ну кто не хочет увидеть великого человека, да еще – в изгнании? Английские морские офицеры, плававшие на кораблях в Средиземном море, вообще при первой возможности отправляются провести выходные на острове. Дело дошло до того, что командование ввело запрет на эти «экскурсии».

Льстит ли самому Наполеону подобное внимание? Мы не знаем, да и вообще – он занят!

Знакомится с местной элитой, совершает поездки. Например, отправляется на рудники: на Эльбе добывают железную руду. Обедает с директором шахт Андре Поном. Потом отправляется с ним в шахтерскую деревню. И вот незадача – Пона приветствуют куда более громко. С кислой улыбкой он обращается к Пону: «О, так на самом деле это вы – подлинный владыка острова». Пон смущен и тут же пытается разуверить императора...

Мелочи! Наполеон всё равно в хорошем расположении духа. Да, не Париж и даже не Фонтенбло, но некое подобие императорского двора создается и на Эльбе. Благодаря верному камердинеру Маршану мы можем представить себе, как это выглядело.

Гостиница в Портоферрайо могла похвастаться лишь блохами и клопами, так что первая задача – поиск достойного жилья. Поначалу мэр столицы Традити разместил Наполеона и его свиту прямо в помещении мэрии, но условия там были скверными. На улице постоянный шум, зловоние из сточных канав. Вскоре Наполеон переедет в небольшой дом, построенный последним из рода Медичи в 1724 году. Он и станет его «дворцом на Эльбе».

«Деи Мулини», или «Вилла ветряных мельниц». Названа так из-за находившихся по соседству ветряных мельниц. Всего десять комнат, зато прекрасное расположение. Вид на город и гавань, рядом форты, составлявшие систему городской обороны.

«Деи Мулини» будут обустроивать и даже перестраивать, но довольно скоро Наполеон выбрал для себя еще и загородную резиденцию. Заброшенный приют «Мадонна дель Монте» в горах на западе Эльбы. Место труднодоступное, но, возможно, именно из-за его уединенности Наполеон проводил там довольно много времени.

Назначенный губернатором Эльбы Друо и генерал Бертран жили неподалеку от «дворца». Они, а также прибывший с гвардией Камбронн составляли ближний круг Наполеона, практически ежедневно обедали с ним.

С приездом на Эльбу гвардии жизнь вообще нормализовалась, а Наполеон окончательно успокоился. Ведь слухи о том, что его якобы собираются похитить алжирские пираты, о неких наемных убийцах, которых к нему собираются подослать, появлялись постоянно. Но теперь он под охраной «старых ворчунов»! Гвардейцы не просто несут службу, но даже в свободное время, сами, патрулируют дорожки, по которым иногда прогуливается их император. Вот такая преданность.

Двор? Пусть и маленький, но есть. У Наполеона шесть адъютантов, два квартирмейстера, казначей, секретарь, врач, фармацевт, камердинер, слуги и даже – мальчик при гардеробной. Еще – швейцар, лакеи, дворецкие, шеф-повар с двумя помощниками. В конюшнях – пятьдесят лошадей, за которыми ухаживают более десятка конюхов.

Неприхотливого в быту Наполеона всё устраивает, однако ему категорически не хватает людей. Близких.

Когда он только начал обустроиваться в своем новом «дворце», он немедленно распорядился приготовить комнаты на втором этаже для своей жены, Марии Луизы, и сына, Римского короля.

Как он их ждал! Есть довольно популярная версия, согласно которой дочь австрийского императора якобы никогда и не любила своего мужа. Это неправда. Любила. Вот только чувство это было неглубоким, а сама Мария Луиза – женщиной довольно слабой.

Сначала она поддалась уговорам отца, императора Франца, а точнее – канцлера Меттерниха, ведь австрийский монарх следовал именно его рекомендациям. Никто из европейских сильных мира сего не ненавидел Наполеона так сильно, как Меттерних. И одновременно – никто из них не знал французского императора так хорошо. Хотя правильнее, наверное, будет сказать *чувствовал*.

Это Меттерних категорически возражал против «почетной ссылки на Эльбу», это он, когда Наполеон бежал с Эльбы и все были уверены, что он отправится в Италию, чтобы объединиться с Мюратом, говорил: «Нет, он пойдет на Париж!» А в случае с Марией Луизой... Он просто хотел ударить Наполеона побольнее. Знал, что делает.

16 апреля 1814 года, когда император еще находился во Франции, Мария Луиза встретилась со своим отцом (и Меттернихом) в Рамбуйе.

«Отец был ко мне очень мил и добр, однако всё это не может сравниться с тем страшнейшим ударом, какой он мне нанес: я не смею отправиться за тобой, видеть тебя. Он не позволил, чтобы я поехала с тобой. Мне стоило столько трудов объяснить ему, что мой долг – следовать за тобой. Он сказал мне, что не желает этого, что на два месяца мне следует вернуться в Австрию, затем я поеду в Парму, а потом уж якобы я смогу тебя навестить... Я не могу быть счастлива без тебя... Прошу тебя еще раз, не забывай обо мне и верь, что я всегда буду тебя любить и что я очень несчастна...»

Наполеон никогда больше не увидит ни жену, ни сына. Возможно, разлука с ними станет одной из причин его возвращения во Францию, но к тому времени Мария Луиза перестанет быть «несчастной» благодаря австрийскому генералу Нейппергу, которого тоже подослал к ней коварный Меттерних.

И всё же дорогие для Наполеона женщины на Эльбу приехали. Первой – его мать, Летиция, мадам Мать. В свои шестьдесят четыре она сохраняла и жизненную силу, и следы былой красоты. Всё тот же полковник Кэмпбелл пишет: «Эта пожилая леди была весьма привлекательна, среднего роста, с хорошей фигурой и свежим цветом лица».

Наполеон счастлив! Мадам Мать поселилась неподалеку от него, они видятся ежедневно. Но даже матери он не сообщает о визите другой женщины.

Мария Валевская приезжает на Эльбу тайно, с сыном и братом, полковником Лачинским. Но остров маленький, скрыть здесь невозможно ничего. Сразу поползли слухи – это императрица наконец вернулась к своему мужу, а мальчик – Римский король! Верят в это даже придворные Наполеона.

Доктор Фуру удивлен – как сильно вырос сын императора. Наполеон смеется. Мальчики похожи, в том нет ничего удивительного. Ведь Александр Валевский – внебрачный сын императора, «дитя Ваграма», как его называли. Он сделает блестящую карьеру во времена Второй империи и будет министром иностранных дел.

Графиня Валевская проводит на Эльбе всего полтора дня. Она едет в Неаполь. Якобы – с секретным посланием к Мюрату. Это вряд ли. И решение еще не созрело, а главное – Наполеон не стал бы так рисковать. Уж он-то знал, как ненадежен его зять.

А вот появление на Эльбе еще одной женщины просто меняет жизнь острова. В апартаментах, которые приготовили для жены Наполеона, Марии Луизы, поселяется его сестра Полина.

Скуке конец! Приемы, балы, концерты... Полина – любимая сестра Наполеона. Ее любовные похождения, безумные траты доставляли императору немало хлопот, но он ценит ее преданность и легкий нрав. Полина продала всё имущество перед отъездом на Эльбу (особняк в Париже, кстати, купил герцог Веллингтон) и готова помочь брату всем, чем может.

Что ж удивительного в том, что именно этим двум женщинам Наполеон первым сообщит о своем намерении вернуться во Францию? Но прежде чем император примет судьбоносное решение, много чего должно произойти...

Глава вторая

Уроки танцев. Вена

Князя Клеменса Меттерниха по-настоящему интересовали три вещи. Женщины, деньги и политика. Порядок перечисления роли не играет, так как все они были ему одинаково дороги. Однако он обладал редчайшим качеством. Не только поддавался страстям, но и использовал их так, что порой нельзя было понять, то ли любовный роман породил хитроумную политическую комбинацию, то ли – наоборот. Такой человек. Всё успевал, хотя многим казалось – ничего не делал.

Слово «Родина» для него мало что значило, он сам про себя говорил, что он скорее европеец, чем немец. И при этом – отстаивал интересы Австрийской империи. Причем весьма успешно.

Осенью 1814 года Меттерних стал неформальным председателем (на правах хозяина) невиданного доселе мероприятия, которое вошло в историю как Венский конгресс. Собрание европейских монархов, политиков и дипломатов.

Выглядело оно по меньшей мере странно. Единственное пленарное заседание – когда потребовалось подписать Заключительный акт. Конференции? Переговоры? Ну, они, конечно, проходили. Но со стороны кажется, что все только развлекаются. Балы, спектакли, приемы... Старый князь де Линь говорит: «Конгресс не работает, а танцует».

Так и прозвали – «Танцующий конгресс». Как они смогли в этом угаре мазурок и вальсов создать первую систему международных отношений?! Да еще такую, которая оказалась весьма эффективной.

Если вы хотите получить блистательное объяснение того, как это произошло, прочтите книгу Генри Киссинджера «Восстановленный мир». Прежде чем стать знаменитым дипломатом, Киссинджер был прекрасным историком. Книгу он написал более шестидесяти лет назад, но многие считают, что это его лучший труд. Настоящая классика.

Все скрытые механизмы и далеко идущие последствия есть у Киссинджера, а нас интересует ответ на простой вопрос: как Венский конгресс повлиял на решение Наполеона бежать с Эльбы?

По современным меркам люди, игравшие в Вене роль «первых скрипок», были достаточно молоды, а по тем временам – это зрелые и искушенные государственные мужи. Меттерниху – 41, прусскому королю Фридриху Вильгельму III, англичанину Кэслри – 45, императору Александру I – 37. В зале, где иногда все-таки проходили самые главные заседания, пять дверей, чтобы все могли проходить в него одновременно.

С четырьмя всё ясно, а вот в проеме пятой, спустя какое-то время после начала работы, станет появляться фигура человека, который заметно превосходил всех (кроме прусского канцлера Гарденберга) по возрасту и, как вскоре выяснилось, по дипломатическому искусству. Шестидесятилетний князь Шарль Морис Талейран де Перигор, Хромой бес, как называли его противники, представитель страны, которой, по замыслу ее победителей, отводилась роль смиренного просителя и наблюдателя.

Приехав в Вену, союзники были едины только в одном – стремлении наказать Францию. Во всем остальном имелись серьезные разногласия. Этим блестяще воспользуется Талейран, а Наполеон...

Он просто внимательно следит за тем, что происходит в Вене. Недостатка в информации нет. Он получает письма, на Эльбу приезжают эмиссары. Поначалу его интересует только его собственная судьба. Есть тревожные известия, многие по-прежнему недовольны тем, что Наполеон – совсем рядом. Звучат призывы отправить его подальше, в более безопасное место. Называют и остров Святой Елены, тот, на котором он проведет остаток дней.

Наполеону это совсем не нравится, а вот новости о том, что его победители начали ссориться, внушают оптимизм. Отличные для Наполеона теперь танцы в Вене...

Программа конгресса была хорошо известна всем, примерный расклад сил – тоже. Каждая из стран-участниц еще до начала заседаний понимала, что рано или поздно ее собственные представления о переустройстве Европы войдут в противоречие с интересами других. Киссинджер прекрасно сформулировал общую идею конгресса. «Только абсолютная безопасность – нейтрализация противника – считается достаточной гарантией. Таким образом, стремление одной державы к абсолютной безопасности означало абсолютную небезопасность для всех остальных».

Добавим сюда еще и личные качества и амбиции главных участников, непростую историю их взаимоотношений. Это совсем не мелочи. Простой пример. И Меттерних, и Александр I искали расположения у одних и тех же дам. Внешнеполитических интересов у дам не было, а личные очень даже имелись. И какое искушение – играть со столь высокопоставленными мужчинами! Слово здесь, улыбка там. Этого пригласить, того проигнорировать. А в результате однажды русский император вызвал австрийского канцлера на дуэль! До смертоубийства, конечно, не дошло, но сам факт...

И да, тень великого императора тут нависала над всем происходящим. Одно из любимых развлечений – мериться вкладом в разгром Наполеона и напоминать о неблагоприятных поступках. Как-то Александр I упрекнул саксонского короля в том, что в 1813 году он, дескать, не сдержал обещания. Талейран немедленно парировал: «Он виноват только в том, что испугался, но большинству государей, присутствующих на конгрессе, можно поставить в упрек то же самое. Не следует оглядываться назад, Ваше Величество, иначе всем нам придется краснеть». Александр не нашел что ответить.

По большому счету, только английский министр иностранных дел Кэслри мог не краснеть. Его позиция была наименее уязвимой. Во-первых, Англия воевала в составе всех антифранцузских коалиций. Во-вторых, у нее не имелось серьезных разногласий с другими державами и территориальных притязаний. Что, впрочем, не означает, что у Англии не было своих интересов. Пресловутый баланс сил – основа британской внешней политики – реального равновесия, конечно же, не предполагал.

Итак, Кэслри всегда шел прямо, Меттерних не признавал никаких путей, кроме окольных, у прусского короля слабый характер, а русский царь лицемерен и упрям. Предполагалось, что конгресс управится со всеми делами недели за три, а он растянулся на несколько месяцев.

Известия о том, что происходит в Вене, Наполеон получал постоянно, хотя многих важных деталей он, конечно, не знал. Точно было известно, что между союзниками возникли серьезные разногласия, дело доходит даже до военных угроз. Что являлось чистой правдой. Но стоило ли делать из этого далеко идущие выводы? В любом случае он мог думать о том, что враги не выступают против него единым фронтом, а кто-то, возможно, станет его союзником.

Забегая вперед, скажем, что уже накануне своего побега с Эльбы он полагал, что таким союзником окажется Австрия. Нужно ли обвинять Наполеона в недальновидности? Нет. Повторим, он имел основания для того, чтобы рассчитывать на появившиеся противоречия. Но кое в чем он сильно просчитался. Точнее – в который уже раз наступил на одни и те же грабли. Он недооценил Талейрана.

Как же тонко провел Хромой бес свою игру! Хотели смиренного просителя? Да вот он я, скромно сижу в уголке. Всего лишь хочу соблюдения законности и порядка, защищаю интересы малых народов. Один против всех.

Любую небольшую трещину Талейран незаметно превращает в пропасть. Его совершенно не волнует судьба Саксонии и многострадальной Польши, но он видит, как растет взаимное недоверие, как появляются шансы. А в искусстве использовать любой, даже незначи-

тельный, шанс Талейрану не было равных. Он показал своим коллегам, кто тут самый лучший дипломат. В Вене, а возможно, и в истории.

Франции ничего не нужно, революции не нужны никому, говорит Талейран, но давайте сохраним существующие порядки. Пусть торжествует *легитимизм!* Он повторяет это слово снова и снова, и оно постепенно начинает нравиться всем.

Никто и не заметил, как Франция из смиренного наблюдателя вдруг превратилась в полноправного участника. Более того – Талейран начинает... заключать союзы! Сначала – с Австрией, потом – с Англией. 3 января 1815 года Кэслри, Меттерних и Талейран подписывают секретный договор. Против Пруссии и России. Договор существует лишь в трех экземплярах. Один из них Талейран отправляет в Париж, с сопроводительным письмом к королю.

«Коалиции более не существует. Франция вышла из изоляции, а Ваше Величество получили союз, которого, казалось, не достичь и за пятьдесят лет переговоров...»

Тайный договор от 3 января станет своеобразным рубежом в работе Венского конгресса. С этого момента и те, кто его заключил, и те, кто не подозревал о его существовании, стали проявлять большую склонность к компромиссам – при одновременном усилении взаимного недоверия.

Заключительный акт подписали 9 июня 1815 года, за несколько дней до Ватерлоо. Он создаст Венскую систему международных отношений, ту, по которой Европе суждено было жить несколько десятилетий. В основе ее – тот самый принцип легитимизма, который сформулировал Талейран.

Для Наполеона это означало одно. Договариваться с ним никто не будет.

Представитель Британии, лорд Кэслри, решив все основные вопросы, отбыл в Лондон.

3 февраля 1815 года в Вену приехал его преемник. Думаете, в истории есть место случайностям? Герцог Веллингтон, прямо скажем, не был искусным дипломатом. Но на *настоящих* полях сражений он пока не проиграл ни разу.

Глава третья «Трехцветные лилии»

Король Людовик XVIII был, в сущности, неплохим человеком. Не лишенным здравого смысла и точно – не злым и не мстительным. По тем временам это немало, но для лидера эпохи перемен всё же недостаточно.

Решительности, а в особенности энергии, ему явно не хватало. Он как будто всё время находился в каком-то полусонном состоянии. Великий Орсон Уэллс очень хорошо сыграл короля в фильме Сергея Бондарчука «Ватерлоо». Там, в фильме, вообще всё неплохо с актерами, прекрасно – с батальными сценами, а вот с историей много проблем.

Однако Людовик XVIII очень похож. Уставший от многолетних лишений человек, который больше всего хочет одного – покоя. Защищенный от жизни способностью засыпать в любой момент и редкостной флегматичностью. Говорят, что, когда ему принесли сообщение о том, что Наполеон высадился во Франции, он внимательно его изучил. Прочел текст несколько раз. Тяжело вздохнул и сказал: «Передайте это военному министру. Пусть разберется».

Наполеон, находясь на Эльбе, очень любил, когда ему что-то рассказывали о новом монархе, просил читать ему новости из газет. Огромное удовольствие доставило ему вот такое описание Людовика в одном немецком издании.

«Он очень толст и, так сказать, лишен возможности пользоваться ногами. Засунутый в черные замшевые сапоги и поддерживаемый с двух сторон, он мог бы споткнуться и о соломинку. Одет он в некое подобие голубого сюртука с отложным красным воротником и очень старыми, обвисшими золотыми эполетами».

Те, кто не любит Людовика, так и обзывают его – «жирным стариком», а «старику»-то еще и шестидесяти нет. Однако король – точно меньшее из зол. Знаменитое высказывание Талейрана о Бурбонах – «Они ничего не забыли и ничему не научились» – давно превратилось в трюизм. Вроде правильно, но слишком упрощенно.

Талейран, конечно, учился всю жизнь, а уж забывал так, что другого такого и не вспомнить. Но вы поставьте себя на место вернувшихся во Францию Бурбонов, аристократов. У них отняли всё. Они годами жили в страхе за свою жизнь, на подачки. Чего можно было ожидать от этих людей? Только того, что они оправдают худшие ожидания. Примерно так они и поступили.

За двадцать лет, прошедших с того дня, как был казнен старший брат нового короля, Людовик XVI, Франция стала другой страной. И возвращение к прежним порядкам просто невозможно. Это понимает и Людовик XVIII, а еще лучше его те, благодаря кому он вернулся на престол. Например – русский император Александр I. Он, кстати, предпочел бы регентство Марии Луизы при Римском короле. Долго сопротивлялся, когда Талейран агитировал его за Бурбонов.

Согласился при обязательном условии – принять конституцию. Людовик не возражал, как только договорились – Бурбоны вернулись в Париж. Под белыми знаменами с королевскими лилиями. За «историю с цветами» ругать их будут нещадно. Понятно, символы – вещь очень важная.

Но встречали-то Людовика всё равно с восторгом. Дело было, конечно, не в лилиях, а в том, насколько удачно он сумеет срастить их с трехцветным наследием.

Король, надо отдать ему должное, попытался. Но трудолюбие и настойчивость среди его добродетелей не числились, и его слишком уж сильно «играла свита». Младший брат, граф д'Артуа, будущий король Карл X, герцогиня Ангулемская... Ультрароялисты! Нельзя говорить, что Людовик был игрушкой в их руках, но то, что сильно подвержен их влиянию, – факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.